

В книге автор дает очерк истории подавления заговоров и мятежей, направленных против русской государственности и высшей власти.

Содержание

Предисловие

Самозванцы

Первая Смута

Малая смута

Раскольники

Цареубийцы

«Золотой век» на крови

Дворцовая расправа

Покушение на Верховную власть

Ритуальная казнь

Мятежники против Империи

Декабристы

Польский мятеж

Кавказский мятеж

Февральский мятеж

Отречения не было

Вечный Февраль

Народники и террористы

Революционное барство Герцена

Белинский - образец демократа

Бакунин – слава и позор революционеров

Народники в эмиграции

Герцен и Маркс

Что поколебало Империю

Революционеры

Идеи разорителей

Проклятье революции

Ленин и его революция

Троцкий и Сталин: разные судьбы политических близнецов

Индустриализация: «русское чудо» на службе у большевиков

Сталин и сталинизм, история и политика

Два большевизма

Контрреволюция: смутьяны против смутьянов

«Белые» мятежи

Кронштадт: мятеж уставших от войны

Философский пароход: высылка интеллекта

Смутьяны уничтожают нигилистов

Убийство Кирова: крах романтического большевизма

Русский «коллорабационизм»

Преддверие новой Смуты

Ельцин – рецидив февразизма

Заключение

Предисловие

Смута сопровождает русскую историю и мешает становлению русского общества и русской нации – солидарного сообщества граждан. Мы будем говорить именно об этом – о мутных делах врагов России и деяниях русского народа, которые порой выставляются либо как обусловленные историческими закономерностями (а потому неподсудные нравственному суду), либо выдаются за подвиги в борьбе с самовластьем.

Представление о Смуте как о неизбежном моменте русской истории, обусловленном необходимостью перехода к новому формату социально-экономического порядка, новому социальному «космосу» и более прочному (чем до Смуты) государству, идут теперь на смену формационной теории исторических трансформаций и теории циклизма русской истории. При достаточной объяснительной силе этой концепции, она удобна историкам, но ничего не дает политикам. Если политики решат, что Смута – объективная данность (а еще – своеобразие и особенность русской истории), то им остается только ждать, когда незримые законы сами собой все разрешат.

В то же время, история требует концептуального подхода. То есть, понимающего знания. Иначе она обращается в набор фактов, которые невозможно удержать в голове, в достояние чудаков. А человек стремится к пониманию смысла истории, поскольку хочет продолжать своих предков или знать, от какого прошлого отрекается. Концепция может строиться как череда образов, выставляющая одних деятелей прошлого героями «без страха и упрека», других – воплощением зла, отживших порядков, за которые они цепляются, отстаивая свои привилегии. Поэтому концепция истории – это установленные границы между добром и злом.

Поскольку XX век перепутал, смешал все представления и создал в головах людей удобное вместилище для фальсификаций, то порой и Смуту могут выставить как позитивный момент истории, который очищает ее от всего устаревшего и обеспечивает прорыв в будущее. В действительности Смута – это «опыт зла», который забывается народом и элитами и напоминает о себе в тяжелых испытаниях, когда радетели «новизны» пытаются придумать для России и русских новую историю. И невероятных усилий и колоссальных жертв стоит возвращение к той истории, которую Бог дал. Перефразируя известную евангельскую истину, можно сказать, что Смута – это не та история, которая от Бога.

Пласты лжи, скрывающие божественную истину истории, создаются усилиями историков и обществоведов, которые пытаются подверстать жизнь под заготовленный ответ. Марксистская методология предложила простенькую схему, согласно которой все народы и государства движутся по одной и той же исторической колее, а последовательность событий предопределена непреложным законом противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Эта схема никогда не была верной и многократно опровергнута. Но она по-прежнему внедряется в головы российских граждан.

Интерпретаторы марксизма, исходя из этой умозрительной схемы, предопределили, что Российская Империя должна была пасть. Либеральная мысль поступает еще проще: оглядываясь в прошлое, она предполагает наличие некоего незыблемого закона, но без всякой теоретической подоплеки. Например: все империи распались, значит, и России надлежит погибнуть. Создается правило, согласно которому можно оправдать равнодушие к судьбе собственной страны, которой предписана смерть. И оправдание ненавистников России в настоящем, в прошлом, в будущем.

Стремление развенчать русскую традицию – симптом космополитической ориентации в государственном строительстве, своего рода политический заказ.

Развенчание идет как от люмпенского «простолюда» (нам все равно, что это будет за государство, лишь бы вволю было хлеба и зрелищ), либо от поверхностной образованности, полагающей, что история движется интересами социальных групп,

классов, партий, а не борьбой Добра со Злом. Для укорененного в национальной традиции гражданина ответственность не ограничивается лишь настоящим и ближайшим будущим; для православного человека очевидно, что мы несем ответственность перед Богом, а значит - перед вечностью, включающей потомков и предков.

Русский взгляд на историю России до сих пор не сформирован, все концепции и оценки, которые до сих пор получили широкое распространение в системе образования и в умах читающей публики, имеют мало общего с реальной историей и игнорируют множество фактов, которые изменили бы оценки на противоположные. Но все эти факты «не вписываются» в то, что принято считать общеизвестным.

Еще в начале XX века русский публицист Иван Солоневич писал: «Принято говорить о гении Петра — однако, любая фактическая справка не оставляет от этой гениальности камня на камне. Принято говорить о безумии Павла Петровича, однако, простое перечисление изданных им законов показывает в Павле Петровиче огромный государственный ум, видевший неизмеримо дальше, чем видели его современники. Принято говорить о Николае Палкине, а это был человек, который, ежедневно рискуя жизнью, в тайных комитетах подготовил все для освобождения крестьян, — его сын только закончил по существу уже построенное здание. Об Императоре Николае Втором левые историки говорят, как о бездарности, правые — как о кумире, дарования или бездарность которого не подлежат обсуждению. Однако, ряд простейших фактических справок говорит о том, что даже и в области чистой стратегии Государь Император обладал неизмеримо большими творческими данными, чем все наши военспецы вместе взятые — и именно военспецы технически саботировали стратегическое творчество Государя Императора. Принято говорить о благорастворении воздуха в Царской России — однако, простой ряд самых простых фактических справок указывает на крайнюю неустойчивость внутриполитической жизни России. И если при Екатерине Второй, кроме пугачевского восстания, выступали с оружием в руках еще около двухсот тысяч крестьян, то «крестьянские беспорядки», почти не затухая, шли непрерывной волной — от Пугачева до Махно. А цареубийства — от «казни» царевича Алексея Петровича до убийства Царской Семьи в ипатьевском подвале».

Становление русского государства связано с тяжелыми испытаниями XVII века, в течение которых помрачение охватило значительные массы населения и правящие слои. Там и там лишь складывалось новое понимание государственности, которое было отмечено Иваном III и Иваном Грозным, правление которых содержало элементы прежней «Руси уходящей» и нового Русского государства, в котором идея власти получала высший божественный смысл. Иван III стал первым русским царем, Иоанн Грозный - первым Помазанником, властителем, получившим сакральную санкцию на правление.

Власть признается народом, когда она ощущается как богоданная. Именно поэтому наследственная монархия оказывается более стабильной: родство – факт, не зависящий ни от чьей воли. Оно либо есть, либо его нет. А выбор на царство наисильнейшего или выгодного какой-то группировке может дать лишь локальный эффект, лишь приготовить восстановление царства после периода смуты.

Далеко не всеми на Руси миссия Царства была понята и принята. Извечный порок власти побуждал близких к престолу оспорить право на высшую власть. Но народ, как отмечал Солоневич, никогда не восставал против своего монарха. Именно поэтому смуты были преодолены, а мятежи подавлены. И лишь когда террор коснулся всей династии и всего народа, Империя пала.

Распространено мнение о крахе Империи, которое в краткой форме можно изложить так: «Николай был слабым царем. Сам виноват». Или еще хуже: «Николай был слабым царем. Он виноват в том, что разразилась революция и гражданская война, в приходе к власти большевиков». Этот ужасный навет гонит прочь нравственное начало, которое необходимо для обретения смысла истории.

«Победивший всегда прав» - тезис слишком примитивный, чтобы извлекать из истории уроки, необходимые современности. Исходя из него, можно дойти до отрицания христианства: ведь Христос «проиграл». Можно даже сказать, что христианство «проигрывает» борьбу за души и умы. Но это не отменяет Истины. Истина с успехом связана очень причудливо, и что считать «успехом» – большой вопрос. «Успех» смутьянов – это гибель Империи, и тягчайшие страдания, затронувшие сотни миллионов людей.

Весь исторический путь России – это борьба государства со смутьянами, которые были движимы самими разными мотивами: личным стремлением к власти, личной ненавистью к правителям, запросами внешних врагов, вздорными «идеями» и «теориями». В этой борьбе нет никаких «формаций», «классов», «объективных исторических законов». Есть практика неповторимых, но при этом ординарных ситуаций: постоянно и всюду безвластие порождает бесов раздора и Смуты, и государство должно иметь силу и решимость уничтожить их – не дать разорить то, что создано трудами многих поколений.

Сегодня мы стоим перед еще более сложной задачей. Бесовщина уже не может быть подавлена какими-то сторонними для каждого из нас силами. Она проникла уже всюду и грозит гибелью нашему государству, а вслед за тем – и нашему народу. Поэтому проблема, которую мы должны увидеть в историческом опыте России, состоит в том, чтобы вернуться к тем принципам государственного управления и национальной жизни, которые позволяли изничтожить бесовщину и выводить страну к новым этапам культурного, политического, экономического строительства.

Если раньше, Русское чудо наступало в периоды ясности национального самосознания и в результате разумных действий власти, то теперь Русским чудом будет спасение России от Смуты, в которой мы живем уже не первое десятилетие. Преодоление Смуты новых времен – это главная задача живущих в современной России поколений.

В нас есть Чудо, которое достаточно только вспомнить, усвоить из своей собственной истории. О чем грезил Гоголь в минуты открывшихся ему великих истин: «Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе. Померкают временно, умирают в пустых и выветрившихся толпах, но воскресают с новой силой в избранных, затем, чтобы в сильнейшем свете от них разлиться по всему миру. Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. (...) Уже самое неустройство наше нам это пророчит. Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней. Что есть много в коренной природе нашей, нами по-забытой, близкого закону Христа,— доказательство тому уже то, что без меча пришел к нам Христос, и приготовленная земля сердец наших при-зывала сама собой Его слово, что есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратанье людей было у нас род-ней даже и кровного братства, что еще нет у нас непримиримой нена-висти сословья противу сословья и тех озлобленных партий, какие во-дятся в Европе и которые поставляют препятствие непреоборимое к со-единению людей и братской любви между ними, что есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все по-зорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли дома свои и земные достатки, так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды - все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия - один человек».

Преодолев Смуту, будет Россия великой нацией - как один человек.

Прибавление 2017. Относительно первого издания в книги исправлены многочисленные технические ошибки, обусловленные сжатостью сроков для подготовки материала к 400-летию преодоления Смуты. В текст также возвращен фрагмент из исходной рукописи об обстоятельствах современного кризиса Московской Патриархии, связанных с обновленчеством и "делом Диомида". Автор не счел нужным дополнять текст оценкой событий церковной жизни 2016 года, поскольку они вошли в книгу "Русская идеология" (2017).

Самозванцы

Первая Смута

Смута начала XVII века была предопределена болезнями роста России как великой державы. Она расширялась пространственно и теснила другие крупные государства – Польшу, Швецию, крымских ханов. Россия превращалась в оплот изначального христианства – Третий Рим, которому суждено было создать вместилище для религии, определившей историю человечества на две тысячи лет.

Впереди было три века православного царства, казавшегося незыблемым. Именно Смута показала истинный путь священства – поддержка суверенной русской государственности и самодержавной власти. Над всеми метаниями священства в поисках своей миссии возвысилась фигура патриарха Гермогена, принявшего мученическую смерть от иноземцев, захвативших Москву. Именно Гермоген явил ту мощь духа и то направление помыслов о государстве, которые помогли одолеть смуту и вернуть Россию к «досмутному» состоянию. При этом подчиненное положение священства было отражено общей присягой новой династии, в которой священство соединилось с другими сословиями в общем служении.

И все же главный вопрос, который был разрешен через изгнание интервентов и самозванцев – это вопрос о самодержавной власти и о ее природе. Оказалось, что вручение власти наисильнейшему, кажущемуся самым достойным и дееспособным, вовсе не гарантирует стабильности крупного государства.

Накануне Смутного времени, в 1584 году царский престол наследовал болезненный сын Ивана Грозного царь Федор Иоаннович, который, по словам его отца, был «постник и молчальник, более для кельи, нежели для власти державной рождённый», по народному определению – «блаженный», по злобному навету иноземцев – «durak». В предубеждениях неблагодарных потомков Федор Иоаннович слывет «слабоумным». Казалось бы, фигура последнего представителя династии Рюриков второстепенна и даже неуместна. И тогда не может быть сомнений в том, что воцарение Бориса Годунова было благом – устранялась лишняя фигура, власть приобретала более зримые черты в харизматичной фигуре вождя. Но в действительности самовольное вступление Годунова на престол как раз и положило начало Смуте.

Царь Федор Иоаннович

При всей внешней незаметности Федора Иоанновича - особенно на фоне Бориса Годунова, реальной распоряжавшегося всеми делами государства – именно он был гарантом единения народа и власти. Только при таком единении были возможны масштабные деяния Годунова: учреждение патриаршества, строительство городов и крепостей в Диком поле (Воронеж, Ливны, Белгород, Самара, Царицын, Саратов, Томск), восстановление опустевших после ордынского ига земель к югу от Рязани, успешная русско-шведская война и возвращение ряда русских земель и городов, строительство смоленской крепостной стены, Белого города в Москве, отражение нашествия в 1591 набега крымского хана Казы-Гирея.

Незримый договор между народом и властью позволил путем закрепощения крестьян преодолеть хозяйственный кризис и даже ввести меры в отношении беглых крестьян – розыск в течение пяти лет и возвращение на прежние земли. Вопреки досужим убеждениям наших современников, крепостное право вовсе не было актом насилия и порабощения. Оно было средством мобилизации в условиях хозяйственного кризиса, и принято народом как должное – до тех пор, пока власть воспринималась им как законная.

После Федора Иоанновича престол должен был наследовать его младший брат Дмитрий. Но в 1591 году он погиб при невыясненных обстоятельствах. В течение столетий считалось, что это было убийство, организованное Борисом Годуновым. Но открытое расследование с публичным опросом свидетелей, которое проводил боярин Василий Шуйский, изученное современными историками, поставило эту версию под сомнение. Прямых причин убивать Дмитрия у Годунова не было. Царь Федор продолжал царствовать до своей смерти в 1598 году. До этого момента, вероятно, в народе не было сомнений в том, что расследование Шуйского добросовестно, и Дмитрий погиб в результате несчастного случая – в детской игре с ножом. Почему же эти сомнения возникли? Потому что власть, лишённая божественной санкции, теряет доверия, и на ее счет могут возникать любые предположения – и все они верны если не по фактической стороне, то по сути. Даже если Борис Годунов не убивал царевича, он поступил так, как если бы намеренно лишил его жизни – занял на престоле чужое место.

Борис Годунов

После смерти Федора Иоанновича мужская ветвь династии Рюриковичей пресеклась, ближайшей родственницей почившего царя была его троюродная сестра Мария Старицкая, не казавшаяся заметной фигурой в расчетах властных группировок. Да и переход власти по женской линии не был тогда принят и понят. Бесспорным казалось наследование прав только по мужской линии. А коль скоро мужская линия пресеклась, то по внешнему достоинству престол должен был занять первенствующий среди знати по реальной власти. На царство был венчан Борис Годунов, бывший царю Федору шурином. Фактически речь шла о передаче наследственной власти через сестру царя.

Борис был поддержан Земским собором. Казалось бы, легитимность власти соблюдена, мнение народа учтено. Можно сказать, что «демократические процедуры» формально проведены. Но этого оказалось мало. Незримый договор народа и власти был разорван. Ведь Борис Годунов не был кровным родственником Рюриковичей. Он правил, но его право на престол показалось простому народу сомнительным и ничем, кроме силы, не подтвержденным. Что и привело к распространению слухов о чудесно спасшемся царевиче Дмитрие и к интригам против Годунова его противников. Немалую роль в этом сыграла ориентация нового царя на Запад, приглашение иноземцев служить в России. Появившиеся самозванцы, выдающие себя за Дмитрия, опирались то на иноземные силы (Польша), то на сопротивление им (ополчение).

Царь Федор провозглашает Бориса Годунова правителем России

Царь Борис и сам понимал, что по знатности рода с ним могут соперничать Мстиславские, Шуйские и другие известные боярские фамилии, а потому всячески препятствовал их влиянию. По доносу он сослал и постриг в монахи Федора Романова и его жену. (Что и предопределило негативное отношение к Годунову в официальной историографии романовских времен). К концу своего правления Годунов заперся в кремлевских палатах, отказался принимать челобитные и потребовал, чтобы в каждой семье читалась особая молитва и поднималась заздравная чаша за царя. Подобное навязывание лояльности не могло не вызвать недовольства, переходящего в ненависть.

По сути дела смутьянами в этот период выступали все влиятельные группировки, боровшиеся за власть. Не имея принципа разрешения споров вокруг прав на престол, они были обречены на кровавый конфликт. При этом народ также оказывался без руководящей роли аристократии и метался между воюющими группировками, не зная, к какой пристать.

Неурожайные годы способствовали росту недоверия к власти. Несмотря на то, что царь Борис установил контроль за ценами на хлеб и открыл для голодающих царские закрома. Этого оказалось мало. Недоверие к царской власти проявляло и боярство, не торопившееся делиться с народом запасенным хлебом. Это рассматривалось бы как поддержка Годунова, чьи права на престол выглядели все более сомнительными как в связи с начавшимися волнениями и восстаниями крестьян, так и в связи со слухами о спасении царевича Дмитрия.

В течение нескольких лет Смуты борьба за власть была одновременно и поиском утраченного доверия к власти, поиском легитимного правителя. При этом ключевую роль начали играть вовсе не лидеры боярских группировок, а самозванцы, в которых простому народу чудился настоящий царь, а вельможным интриганам – силовой захват власти.

Историки не раз отмечали, что появление самозванцев во время Смуты имеет социально-психологические корни и связано с русским характером и конкуренцией претендовавших на власть группировок. Фактически мы видим ту же замороченность народа «выборами», которую наблюдаем и теперь. Самозванец выступал в роли лидера (чаще всего мнимого) одной из «партий». Ему создавали образ царя (обряжали в великолепные одежды и устраивали пышный церемониал), а народ ублажали «предвыборными обещаниями» и раздачей подарков. Народ поддерживал то одну «партию», то другую – в зависимости от того, удавался ли очередному самозванцу «имидж» самодержца, и готова ли была свита, составленная из авантюристов, мечтавших о власти и поживе, свидетельствовать о подлинности царского достоинства.

Самозванец – в полном смысле «никто», человек без биографии, который из неизвестности стремится шагнуть на высшую ступень социальной иерархии. Либеральная демократия позднее превратила самозванство в принцип – люди, доселе никому не известные, становятся народными представителями, благодаря удачно разыгранной роли. Это политически артисты! Самозванец Смутного времени играл царя, современный политик играет народного представителя – депутата, мэра, президента. Важен не результат деятельности, а выдержанность роли. Если общество не способно жить обособленно от самозванца, то его роль предполагает также и жестокость: все, кто видит, что «король голый», должны быть уничтожены.

Самозванец – всегда порождение не только смуты, расстроившей народное самосознание и миссию власти, но и внешних сил, которые используют самозванство как ложный притягательный символ, побуждающих служить этим силам. Литва, Польша, католический Рим лелеяли мечты поставить Русь под свой контроль, провести в жизнь собственные имперские проекты, превратить русские земли в свою периферию.

Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду III на введение в России католицизма (Н.Неверов, 1874)

Боярские «верхи», придворные «партии», дав народу возможность «избрать царя», могли утвердить на престоле Бориса Годунова или Лжедмитрия (того, кто окажется удачливее). А могли привести на русский престол и польского принца Владислава – также по принципу «выборности». Принцип народности, как только он забывался властью, превращал его в орудие олигархии, спрятавшейся за тем или иным самозванцем.

Пётр Басманов, один из самых преданных Лжедмитрию I сподвижников, говорил: «Хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он наш государь. Мы его приняли и ему присягнули, и лучшего государя на Руси мы никогда не найдём». Нечто подобное звучало и в наши дни: «Альтернативы Ельцину нет», «коней на переправе не меняют», «лучшего президента у нас нет».

Лжедмитрий I оказался беглым монахом Григорием по прозвищу Отрепьев от рода Нелидовых, который происходил из Литвы. Рано потеряв отца Юрий (Григорий) был воспитан матерью и отправлен на службу в Москву к Михаилу Никитичу Романову. Во время годуновской расправы над Романовыми, спасаясь от репрессий, Григорий постригся в монахи. Оказавшись в Чудовом монастыре, занимался перепиской книг и привлекался писцом в «государеву Думу». По доносу Григорий должен был быть схвачен и выслан в отдаленный монастырь, но воля царя не была исполнена: монах бежал в Речь Посполитую, где и объявил себя спасшимся царевичем Дмитрием, получил от короля Сигизмунда признание и жалование, а также право набирать наемное войско. В обмен на обещание отдать Польше большой кусок русской земли со Смоленском и поддержать распространение на Руси католичества.

Агенты Дмитрия Самозванца убивают сына Бориса Годунова (К.Маковский, 1862)

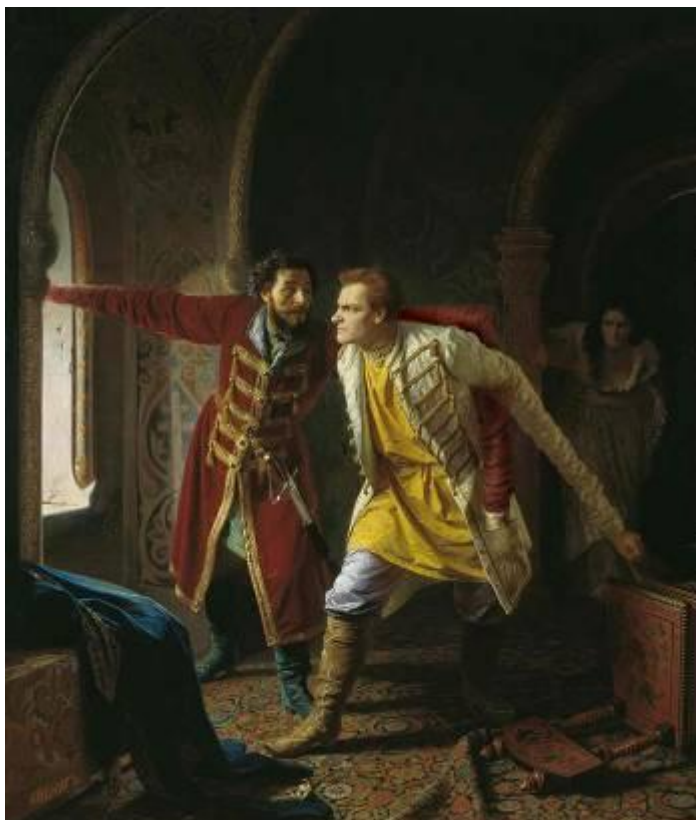
В своем бегстве самозванец явно пользовался помощью противников Годунова. Есть основания полагать, что Отрепьев был лично знаком с патриархом Иовом и многими из думных бояр. Что Григорий готовился быть не только монахом, свидетельствует его умение ездить верхом и владеть саблей, а также европейская образованность. Смелость самозванца предопределялась уверенностью в поддержке антигодуновских сил и личном гипнотическом воздействии на толпу.

Во главе небольшого отряда из польских наемников и сечевых казаков Лжедмитрий I двинулся на Москву. И его план сработал. По пути следования отряда он превратился в многочисленное войско, а города один за другим сдавались ему и присягали на верность. На сторону самозванца переходил не только «черный люд», но и местное дворянство. Посланное Годуновым войско было разбито у Новгорода Северского, несмотря на значительное численное преимущество. У села Добыничи (южнее Брянска) московская рать все же одолела самозванца, умело используя артиллерию. Поражение было также обусловлено ссорой Самозванца с польскими наемниками, в большинстве своем отправившимся назад к польской границе.

Победа не принесла избавления от самозванца. Террор против присягнувшего Лжедмитрию населения ожесточил его, а московское дворянство раскололось. Самозванцу дали уйти в Путивль, где под защитой донских и сечевых казаков он начал снова собираться силы. Кончина Бориса Годунова в 1605 году придала авантюре новый импульс. Москвичи при поддержке и одобрении боярства разграбили дворец, убили наследника - царя Федора Годунова, его жену и мать, вынесли тело Бориса Годунова из Архангельского собора «на поругание».

Самозванец утвердился в Кремле, начал проводить самостоятельную политику. Но слухи о его истинном происхождении уже гуляли в народе. Года не прошло, как Василий Шуйский организовал купцов и служилых людей для восстания против Лжедмитрия I и польского присутствия в Москве. Восставшие изрубили самозванца мечами и алебардами. Тело его было подвергнуто «торговой казни» - три дня оно лежало в грязи посреди рынка на Красной площади и подвергалось надругательствам, а затем было захоронено.

Посмертные слухи о том, что «земля не принимает» труп самозванца и что над могилой «бесы расстригу славят», привели к тому, что тело откопали, сожгли, а пепел выстрелили из пушки в сторону Польши.

Последние минуты жизни Лжедмитрия I (Карл Венинг, 1879)

После свержения Лжедмитрий I 19 мая 1606 года Василий Шуйский был возведен на российский престол. Как и большинство высших аристократов, Шуйский был рюриковичем. Дополнительные преимущества в родовитости ему давало родство со старшей ветвью потомком Александра Невского. Но его авторитет был зыбок. Равных Шуйскому по знатности было множество, а слава Шуйского была только в молве о его мучениях в застенках у самозванца. Правда, тот же самозванец помиловал Шуйского, и не лишил его жизни. Фактически мы видим тот же путь к престолу, что и в случае Годунова – силовой захват власти, который лишь на краткий период времени мог показаться целесообразным и полезным для государства. Но царствование Шуйского было недолгим – оно не остановило Смуты, не пресекло появления новых самозванцев.

Мода на самозванство вызвала к жизни авантюры, вроде «назначения» казаками «царевича Петра» - мнимого сына Федора Ивановича. В 1607 выбрали из своего круга Илейку Горчакова, знакомого со столичной жизнью, и собрали войско, чтобы добиваться милости государя (Лжедмитрия I), но место на престоле было уже занято Василием Шуйским. Армии Лжепетра и воевод «царя Дмитрия» подступили к Москве, но были разбиты. Мятежники, прославившиеся своей жестокостью, сторонниками Шуйского также уничтожались беспощадно. Остатки разбитых сил были осаждены в Туле.

Одновременно на русско-польской границе объявился Лжедмитрий II – марионетка польских авантюристов, подобравших на роль «царя» человека, внешне похожего на Лжедмитрия I. Новый самозванец двинулся с войском поляков и казаков на помощь Лжепетру. Но не успел. Тула была сдана оголодавшими мятежниками, их главари были казнены.

В 1608 Лжедмитрий II попытался вновь подобраться к Москве и обосновался в Тушине вместе с многоплеменной массой авантюристов, отчего получил имя Тушинский

Вор. Вокруг Москвы и в прилегающих землях начались массовые грабежи населения, проводимые польскими наемниками и присоединившимся к ним сбродом во главе с польскими воеводами. Между Москвой и Тушинским лагерем распределились боярские группировки. Оппозиционные Шуйскому силы предпочитали признать самозванца и даже образовали Думу при нем. Реальной властью при этом обладал пан Роман Рожинский.

В сентябре 1609 г. польский король Сигизмунд III решил, что с Москвой уже покончено, самозванцы исполнили свою роль, и двинул свои войска на Русь, осадив Смоленск. Другой причиной вторжения был союз Шуйского со Швецией против Польши. Так или иначе – на авансцене появился новый игрок, спутавший планы самозванца. Тушинские силы стали перетекать в лагерь Сигизмунда, Лжедмитрий II бежал в Калугу, где намерен был отсидеться, пока не сложатся новые условия для марша на Москву. Парадоксальным образом вокруг него начали собираться антипольские, патриотические силы, которые впоследствии активно участвовали в Первом и во Втором ополчениях.

Василий Шуйский

Шуйский как царь Василий IV имел еще меньше прав на престол, чем Борис Годунов. Фактически он был самозванцем, самопровозглашенным царем. Причиной краха власти Шуйского стали жестокие расправы со своими противниками и простым народом, разрыв с Романовыми и их главой – митрополитом Филаретом, а также с другими боярскими группировками. Но главной причиной краха была нелегитимная, незаконная в глазах народа власть.

После поражения войск Шуйского от поляков в 1610 под Можайском войска Тушинского Вора подошли к Москве и захватили Пафнутьев-Боровский монастырь. Близкий крах побудил дворян насильно свести с престола и постричь в монахи Василия Шуйского, а потом и выдать его полякам на погибель. Сложилась немыслимая ситуация: русские силы были разделены между самозванцем и интервентами. Те и те, бесспорно, были смутьянами.

Против Вора московская боярская Дума попыталась использовать союз с поляками – заключила договор о призывании на русский престол королевича Владислава.

Московские «низы», напротив, надеялись на самозванца как на силу, направленную против поляков. Наступление Лжедмитрия II на Москву было остановлено приглашением польского войска гетмана Жолкевского в столицу. Бояре готовы были признать Владислава и даже одобрили чеканку монет с его изображением. Священство уже воздавало молитвы новому правителю. Но король Сигизмунд предпочитал московским интригам территориальные приобретения – захват Смоленска. Поэтому Владислав так и не появился в Москве.

Калужский лагерь самозванца между тем начал рассыпаться: искавшее власти и богатства дворянство вновь стало перебираться в Москву, пополняя пропольскую «партию». Самозванец был убит во время охоты ногайским князем. Но вслед претензии на престол были предъявлены новым самозванцем Лжедмитрием III, сумевшим захватить Псков, а также сыном Лжедмитрия II, которому присягнули города Рязанской земли.

Лжедмитрий II Тушинский вор

Решительная победа над самозванцами стала возможна в результате формирования народного ополчения под предводительством князя Дмитрия Пожарского, который призывал не признавать самозванцев. Но чтобы настроения народа качнулись в сторону формирования самостоятельной русской власти, нужен был подвиг патриарха Гермогена, который, может быть, первым понял, что власть инородцев ляжет тяжким бременем на русских православных людей. И стал рассылать по стране призывы об изгнании поляков. Веры светским правителям уже не было, поэтому на площадях русский люд готов был слушать только послания Гермогена. Их переписывали и распространяли повсеместно. Именно это и восстановило в сознании народа идею государственного суверенитета и суверенной самодержавной власти.

Роль купца Кузьмы Минина – истинного народного героя – в формировании ополчения состояла в том, чтобы взять на себя грех насилия над состоятельными нижегородцами, которые не торопились помогать стекавшемуся под начало Пожарского люду. Минин с выборными от народа людьми пленил жен и детей богачей, пытавшихся остаться в стороне от народного движения и не тратить на формирование русской власти. Жены и дети были выставлены на продажу в холопы, и деньги на выкуп у богачей нашлись. В результате ополчение было вооружено и организовано.

Стяг князя Дмитрия Пожарского

Поход ополчения на Москву в ноябре 1612 года был успешен: поляки были изгнаны. Василий Шуйский к тому времени умер в Польше, патриарх Гермоген был замучен голодом в польских застенках в Москве. Казалось бы, у Пожарского были все основания взять на себя ответственность за страну и, следуя путем Годунова и Шуйского, принудить знать и священство провозгласить его новым царем. Но в таком случае смута продолжилась бы.

Дмитрий Пожарский отказался от претензий на верховную власть. И тем совершил величайший подвиг самоотречения, который избавил страну от последующих волнений, неизбежных, если бы Пожарский стал править как царь. Многие считали, что он не простит прежних сторонников самозванцев, переметнувшихся в ополчение. Сведение счетов между боярскими группировками, каждая из которых была повинна в Смуте, не привело бы к миру. Пожарский понял это, и по этой причине его следует считать одним из главных героев, обеспечивших преодоление Смуты. По достоинству его мы должны ценить выше царствующих самозванца Годунова и Шуйского – вровень с наиславнейшими русскими государями.

Избрание в марте 1613 года царем не причастного к борьбе за власть шестнадцатилетнего Михаила Романова разрешило все споры о власти. Фигура молодого царя символизировала освобождение от самозванства и смертельных схваток за власть между боярскими группировками, а также прощение взаимных обид между ними.

Царь Михаил Федорович Романов

Михаил Романов был родственником царя Ивана Грозного по линии его первой жены Анастасии, на которой нет тени бесчинств опричников и царской челяди в более поздние периоды правления. Дед Михаила Романова приходился братом Анастасии. Кроме того, род Романовых сильно пострадал от Бориса Годунова, видевшего в нем множество конкурентов в борьбе за власть. Отец будущего царя Федор Никитич Романов, как уже говорилось, был разлучен с семьей, насильно пострижен в монахи и под именем Филарета заточен в монастырь.

Превратности Смуты затронули Романовых и милостями от самозванцев, и карами. Лжедмитрий I пожаловал Филарету сан митрополита Ростовского, а его брату Ивану Романову – боярское звание. Затем Филарет оказался на стороне Василия Шуйского, но был пленен Лжедмитрием II, который уговаривал его действовать заодно и даже стать патриархом. Затем, когда и Шуйский, и Лжедмитрий II сошли с авансцены истории, Филарет возглавил делегацию, отправившуюся в Польшу с уговорами отдать Владислава на русский престол (с принятием им православного вероисповедания), но оказался там в плену, а потому не мог влиять на московские дела.

Мы видим возвращение ситуации к той, что была при царе Федоре Ивановиче – своего рода попятное движение русской истории. Первый Романов своей очевидной слабостью, но вместе с ней и невинностью, был аналогом «слабовольного» Федора – последнего прямого потомка Рюрика. Мы видим воплощение в русской истории библейского принципа: Сила Божья в немощи свершается. В немощи правителя перед боярскими группировками свершилась Воля Божья: русское государство получило фундамент – легитимную власть. Соборная клятва на верность новой династии, принесенная в 1613 году на Земском Соборе всеми сословиями, стала русской «конституцией», основой государственного строительства и консолидации общества на триста лет. Ее растоптали самозванцы XX века, от которых до конца мы не избавились до сих пор.

Что касается смутьянов-самозванцев, то персонажи, подобные Лжедмитриям или Лжепетру, действуют во власти и в наши дни, позволяя бродить по Руси отрядам иностранных грабителей и бандам доморощенных разбойников. И будет это продолжаться до тех пор, пока не восстановится легитимная власть, наследующая от прежних поколений государственную традицию отношений правителей и народа. Пока не восстанут против Смуты и смутьянов люди, подобные подвижнику Гермогену и герою Пожарскому. Они-то и создадут власть, следующую незримым Божьим законам, а не произволу человеческому, ищущему себе великих владык, которые на поверку не способны к государственному строительству.